

«ЧТО ГОВОРИТЕ вы? Считаете смешною, ненужной выходку мою? И сам я признаю, что в бой вступать со смертью бесполезно. (...) Но на врага идти, когда в руках успех, — достойно труса лишь».

Поза? Притворство? — Нет! Убеждение. Слова эти бесмертный герой французского писателя Эдмона Ростана (1868—1918) Сирано де Бержерак произносит в свой смертный час, восстав со шпагой в руке и против неотвратимости. Но не о шпаге речь. Речь об образе мышления и образе жизни, благодаря которым поэт-бунтарь навсегда причислен к лику одержимых, к числу многократно осмеянных и непонятых донкихотов, чья жажда истины и прогресса вела мир к добру, к победе духовного начала, к героизму. И Валдемар Карпач в представлении Валмиерского театра эту духовную сущность своего героя демонстрирует зрителю с ликующей гордостью. Когда задетый самолюбивый аристократ де Гиш насмешливо напоминает Бержераку о ветряных мельницах из романа Сервантеса, которые «того, кто с ней осмелится сражаться, ...отбросит в грязь!..», наш герой без тени сомнения отвечает: «а вдруг — за облака?» Вот так, с веселым вызовом.

Сирано в исполнении Валдемара Карпача строит свою жизнь как вызов. Вызов подлости и несправедливости. Вызов своим неосуществленным надеждам. Исполнитель роли выражает свои чувства в песне и танце, он их выкрикивает и шепчет. Поражает, буквально потрясает интенсивность этого вызова, она захва-

тывает полностью, ибо одновременно это и интенсивность внутренней жизни героя, за которой — проявляющаяся на каждом шагу сила и необычность незаурядной личности.

мое предназначение — суфлировать... и получать... забвение! Вы помните ту ночь? Вот так — вся жизнь моя. В тени стоял смиренно, робко я, другие же наверх взбирались гордо за поцелуем славы или любви».

Тема сложной судьбы творческой личности пронизывает исполнение Карпача. Но вызов в ходе спектакля превращается и в боль непонятости, и в печаль неосуществившейся любви. Превращается в неустанную борьбу против коварства и лжи, трусости и компромисса. Превращается в искрящееся, льющееся через край жизнелюбие, в судьбу, напоминающую прямой и блестящий клинок шпаги.

...Среди персонажей старинного жанра героической комедии он единственный вполне «наш». Его отличает поведение современного человека, современное отношение к вещам и явлениям. Это ощущаешь с

палачам, которым не избавиться от позорного пятна.

Актер азартно реализует заложенный в спектакль режиссером принцип контраста, что дает удивительный, очень сильный эффект.

Сирано в исполнении Карпача существует одновременно как бы в трех ипостасях. Он там, на столь дорогих Ростану берегах Сены, где судьба всех художников зависит от двуличного палача Ришелье. Он — среди нас, говорит с нами современным языком. И одновременно он — принадлежит вечности. Исполнение актера объединило все эти три плана органически, непридуманно. Сирано Ростана, возможно, поэтичнее. Сирано Карпача острее. Ибо более всего он принадлежит сегодняшнему дню, этот элегантный, раскованный, музыкальный и пластичный юноша, одаренный голосом эстрадного певца и удивительным сцени-

третьих петухов». В дальнейшем актеру поручались серьезные роли — Оскар в «Сыне рыбака», Везис в «Прейлени-те», Даниэль в «Так женятся парни из Абруки». Эти работы, несомненно, помогли усовершенствовать мастерство, разнообразить творческую палитру. Что же касается образа Сирано, то в этой работе прежде всего привлекает мысль.

...Щедрой, самоотверженной любовью искрится мысль в песне о художнике. В сущности, это лирическое признание героя в любви. Совершенно другим огнем — словно отблеск костра инквизиции — пылает она в песне о павших словах. Сильное сравнение Я. Петерса, что для поэта каждое вычеркнутое слово — как отрубленная рука, как выколотый глаз, всерьез переживается актером, и зритель понимает, что и ему знакома та боль утраты, та горькая борьба за свои убеждения, с которой раньше или позже сталкивается любой подлинный художник. Сирано Карпача понимает, что слова эти «вычеркнуты из жизни». Вот почему эта сцена становится подлинной кульминацией спектакля.

Высота духа и бездна отчаяния сменяют друг друга во взоре героя в знаменитой «балконной» сцене пьесы, когда герой, очаровав своим талантом возлюбленную, уступает ее другому. В исполнении Карпача — это мгновение высочайшей самоотверженности и самораскрытия. Слова, сказанные от имени друга и ради него, становятся искренним признанием в собственном чувстве. В последней сцене затуманенный взор Сирано видит дали за порогом небытия. И когда Сирано из последних сил кричит в своей песне — «...заметьте ту звезду, что падает...» — актер сам напоминает падающую звезду, которую невозможно не заметить. Звезду, которой присуще особое поле притяжения, заставляющее еще и еще раз идти на этот спектакль.

В этой постановке актер играет любовь и смерть, неординарность и неповторимость творческой личности. Сирано Карпача жил в песне. И в песне умер. Вот почему он — бессмертен.

А. Легзда.

АКТЕР В ОДНОЙ РОЛИ

Жить в песне.

В песне умереть

В сентябре в 1985 году в Риге состоялась премьера мюзикла «Сирано де Бержерак», поставленного Валентином Мацулевичем (композитор — Мартиньш Браунс, автор текстов песен — Янис Петерс). Валмиерский драматический театр гастролировал у нас с этим спектаклем неоднократно, причем всегда при переполненном зрительном зале. Сегодня предлагаем читателям эскиз портрета исполнителя заглавной роли.

В. Карпач проживает судьбу Сирано как бы на одном дыхании, захлебываясь и словно опасаясь что-то упустить, что-то недоговорить. Говоря словами Яниса Петерса, зритель буквально слышит, как «галопо мчится сердце» этого необычного человека, родившегося «прежде века» (следовательно — опередившего свое время). Вот почему Сирано Карпача живет очень трудной жизнью, вполне сознавая причины этой сложности, но никогда не жалуясь. Его жизнь пронизана глубоким трагизмом, о котором он говорит только один раз, в финале, навеки прощаясь с Роксаной: «Да, это жизнь моя,

самого первого мгновения, когда облаченный в черное герой Карпача неожиданно вламывается в толпу банально-претенциозной парижской театральной публики, мгновенно противопоставив себя этим пустоголовым лицемерам. И так продолжается до последнего мгновения, когда поверженный трусостью и подлостью Сирано выражает свою сущность в великолепной песне на слова Я. Петерса. Это песня-приговор «двусмысленному веку», исторически прозорливый вердикт своим противникам —

человеческим темпераментом, точным чувством ритма и неожиданными психологическими переходами от едва слышных ноток приглушенных чувств до лавинообразных эмоциональных взрывов. Лидер среди своих партнеров по игре, Сирано Карпача вполне мог бы стать и лидером современной молодежи. Лидером в лучшем смысле этого слова: ведь он всегда активен, всегда правдив, тверд в своих убеждениях и неподкупен.

За творчеством Валдемара Карпача я слежу с тех пор, как увидела его в современной сказке В. Шукшина «До